

Слова вдовствующей императрицы прозвучали, и направление ветра в Зале Сюаньчжэн мгновенно переменялось.

Глава клана Си, которого только что прижали к полу имперские гвардейцы, снова засиял глазами. Те представители императорского клана, что прежде не смели и пискнуть, исподтишка расправили плечи.

Четыре слова: секретный указ покойного императора — весили слишком много.

Весили настолько, что этого было достаточно, чтобы перевесить амбарные книги с записями о краже зерна, нефритовые бирки о тайной связи с удельными князьями и даже ту устрашающую власть, которую Цзи Ушуан вырезал мечом за последние дни.

Се Чанфэн стоял у колонны, прижимая к груди засахаренные фрукты, и в душе мечтал только об одном — забиться куда-нибудь подальше.

Люди во дворце превосходили друг друга в искусстве прятать тайны.

Яд прятали в супе, бирку — в придворной табличкеху, а теперь вот и указ о престолонаследии смогли припрятать, чтобы явить миру лишь сегодня.

Цзи Ушуан восседал на императорском троне, не спеша произносить ни слова.

Перед его глазами уже проступили холодные строки.

Если ты станешь оправдываться перед всем двором.

Приближенные сановники заставят тебя доказывать законность твоего воцарения.

Три дня спустя: по столице поползут слухи, имперская гвардия заколеблется.

Ты погибнешь.

Вторая строка кроваво-красных букв нависла следом.

Если ты убьешь вдовствующую императрицу.

Обвинение в отцеубийстве... то есть в цареубийстве матери подтвердится окончательно, весь императорский клан восстанет.

Ты погибнешь.

Цзи Ушуан дочитал и легко постучал кончиком пальца по подлокотнику.

Спорить нельзя.

Убивать нельзя.

Значит, нужно позволить фальшивке сгнить прямо на глазах у всех.

Опираясь на руку няньки Цинь, вдовствующая императрица стояла посреди залов. Лицо её казалось болезненным и бледным, но взгляд был твёрд, а в руках медленно разворачивался ярко-жёлтый свиток.

Перед смертью покойный император изрёк, что третий принц Цзи Ушуан нравом жесток и буен, а потому недостоин восходить на престол. Регент Сяо Цзинхэн — человек добросердечный и стойкий, он может взять на себя регентство и помощь государству, а после траура по усопшему — в назначенный день унаследовать великий трон.

Кто-то в зале рухнул на колени прямо на месте.

Глава клана Цуй и вовсе с покрасневшими глазами ударил земной поклон:

— Прошу Ваше Величество последовать последней воле покойного императора, отречься от престола и уступить достойному ради сохранения государства Великое Цянь!

Цзи Ушуан наконец поднял на него взгляд:

— А голосишь больно ловко.

У главы клана Цуй перехватило горло.

Вдовствующая императрица нахмурилась:

— Император, здесь посмертная воля покойного императора, ты намерен нарушить императорский указ?

Цзи Ушуан не стал принимать свиток и вдаваться в оправдания, лишь отдал приказ:

— Ли Дэцюань, позови евнуха Чэня войти в залы.

Ли Дэцюань согнулся в поклоне и быстро сел назад.

Вскоре два младших евнуха ввели в Зал Сюаньчжэн седого старого евнуха. Тот был согбен в спине, передвигался с трудом, однако, переступив порог, чинно опустился на колени.

— Старый слуга Чэнь Юань приветствует Ваше Величество и Владычицу-Мать.

Пальцы вдовствующей императрицы, сжимавшие указ, чуть сильнее впились в шёлк.

Чэнь Юань когда-то был главным личным евнухом покойного императора, а после его кончины удалился из дворца на покой под предлогом болезни. Среди всех старых слуг во дворце не было никого, кто знал бы о последних часах жизни покойного императора лучше него.

Цзи Ушуан произнес:

— Передавал ли покойный император перед смертью секретный указ вдовствующей императрице?

Чэнь Юань распростёрся на земле, и его старческий голос прозвучал отчетливо:

— Слуга смеет доложить: в предсмертный час покойного императора и этот старый слуга, и Глава Императорского кланового суда находились у ложа. Император приказал лишь доставить государственную печать и возвести в ранг наследника нынешнего императора, но об унаследовании великого трона регентом не было сказано ни слова.

Вдовствующая императрица холодно бросила:

— Ты стар и выжил из ума, память тебе изменяет.

Лоб Чэнь Юаня прижался к полу:

— Этот старый слуга уже одной ногой в могиле, он не смеет обманывать ни покойного императора, ни Ваше Величество.

Цзи Ушуан продолжил:

— Принесите старые архивы Императорского кланового суда.

Глава Императорского кланового суда выступил вперёд, бережно держа запечатанные старые тома.

Глиняные печати были целы, оттиски — старыми. Ли Дэцюань прилюдно проверил их и вскрыл свиток. В старых записях чётко и ясно значилось: кто находился в услужении в день передачи власти перед кончиной покойного императора, в какой час проставлялись оттиски государственной печати и каков был подлинный текст посмертного указа.

Всё это разительно отличалось от секретного указа в руках вдовствующей императрицы.

Глава клана Лу через силу заговорил:

— Старые архивы тоже можно подделать.

Цзи Ушуан бросил на него мимолётный взгляд:

— Я разрешал тебе говорить?

Ножны имперского гвардейца надавили на плечо главы клана Лу, тот глухо застонал, и половина его тела почти рухнула на пол.

Цзи Ушуан перевёл взгляд на главного надзирателя Бюро Астрономии:

— Проверь указ.

Надзиратель вышел из строя, держа в руках чёрную деревянную шкатулку.

Внутри лежала половина обломка государственной печати. В преклонные годы жизни покойного императора угол большой печати Великого Цянь был слегка отколот, и на краях любого подлинного указа с красными оттисками непременно оставался тончайший изъян.

Вдовствующая императрица сжала указ ещё крепче:

— Император, ты собрался позорить меня на глазах у всех гражданских чиновников и военачальников?

Цзи Ушуан спокойно произнес:

— Раз уж Матушка использует покойного императора, чтобы давить на меня, я должен вернуть покойному императору его честное имя.

Грудь вдовствующей императрицы тяжело вздымалась, но открыто отказаться от проверки она не смела.

Нянька Цинь шагнула вперёд, приняла секретный указ и передала его главному надзирателю, однако пальцы её заметно деревенели.

Надзиратель приложил обломок к красному оттиску на указе, и брови его мгновенно сошлись на переносице.

— Ваше Величество, на первый взгляд печать похожа, но изъяс сместился почти на полфэнсяня.

Глава клана Цуй тут же заговорил:

— Разница в полфэнсяня ещё не доказывает подделку!

Вдовствующая императрица тоже глухо произнесла:

— Государева печать изнашивалась годами, неудивительно, что появились кое-какие отклонения.

Цзи Ушуан поднял руку.

Ли Дэцюань лично поднёс курильницу с благовонием Истинного Дракона.

Это благовоние использовалось исключительно для жертвоприношений Небу и проверки киновари на императорских печатях. Настоящий указ от дыма не менялся, а фальшивая киноварь в соприкосновении с ним чернела.

Курильницу водрузили посреди зала, и бледно-золотой дымок медленно поднялся вверх, обвивая свиток секретного указа.

Все взгляды в зале были прикованы к этому ярко-жёлтому свитеру.

Первыми изменениям подверглись края указа.

Прежде яркая и сочная киноварь под воздействием аромата стала понемногу темнеть, а затем, словно пропитавшись запекшейся кровью, превратилась в угольно-чёрную.

Глава Императорского кланового суда тут же рухнул на колени:

— Ваше Величество, киноварь почернела, этот указ поддельный!

По залу прокатился гул.

Лицо вдовствующей императрицы посинело:

— Невозможно. Этот указ хранился у меня лично на протяжении многих лет, фальшивкой он быть не может!

Се Чанфэн стоял у колонны, втягивая носом аромат благовония Истинного Дракона, и его желудок некстати издал громкое урчание.

Запах был вполне сносным.

Но дым поднимался медленно, и за долгое время окутал лишь один уголок на лицевой стороне указа.

Он опустил голову, глядя на недоеденный кусок пирожного в своей руке, а затем перевёл взгляд на курильницу.

Огонь был слишком слабым.

Он вспомнил, как сам тайком запекал лепёшки в поместье: стоило бросить в топку горстку сухих крошек от печенья, как языки пламени тут же становились ярче.

Пользуясь тем, что все вокруг отвлеклись, Се Чанфэн медленно, словно нехотя, передвинулся к курильнице и сунул в неё недоеденное пирожное.

У Ли Дэцюаня от увиденного едва душа в пятки не ушла.

Божественный Владыка, это же благовоние Истинного Дракона, а не печь для выпечки!

Однако стоило куску пирожного опуститься в чашу, как пламя не только не погасло, но и взметнулось вверх.

Бледно-золотой дым сделался в несколько раз гуще, почти полностью затянув весь свиток секретного указа. На ярко-жёлтой бумажной изнанке вспыхнул узор тёмных водяных знаков, а в самом углу на обратной стороне проступила тёмно-красная личная печать.

Три маленьких иероглифа: Сяо Цзинхэн — чётко отпечатались на бумаге.

На сей раз в зале стихли даже редкие шепотки.

Личная печать Сяо Цзинхэня.

С чего бы на оборотной стороне секретного указа покойного императора находиться личной печати Сяо Цзинхэня?

Глава клана Си рухнул на пол, словно у него вынули кости.

Губы вдовствующей императрицы зашевелились, но выговорить не удалось ни единого звука.

Се Чанфэн тоже уставился на этот оттиск, и в его голове вертелась лишь одна мысль.

У пирожных бывает и такое применение?

Цзи Ушуан скосил на него взгляд.

Се Чанфэн тут же захлопал ресницами, изображая полное недоумение:

— Пирожное... запеклось.

Уголки губ Цзи Ушуана едва заметно дрогнули, но тут же вновь вернулись к холодному выражению.

Он поднялся с места, чёрные драконьи одежды тяжело заструились по ступеням императорского трона, а его голос перекрыл царивший в зале испуг:

— Вдовствующая императрица введена в заблуждение злоумышленниками, отправить её во Дворец Цынин на покой. Без моего приказа к государственным делам больше не приближаться.

Нянька Цинь испуганно вскрикнула:

— Ваше Величество, ведь Вдовствующая императрица — ваша мать!

Цзи Ушуан посмотрел на неё:

— Именно поэтому я и оставляю ей её достоинство.

Имперские гвардейцы шагнули вперёд, отесняя служанок вдовствующей императрицы.

Вдовствующая императрица уставилась на Цзи Ушуана мёртвым взглядом:

— Ты смеешь заточить меня?

— Матушка заблуждается, — тон Цзи Ушуана был холоден и прост. — Я оберегаю Великое Цянь от погружения в пучину огня из-за фальшивого указа.

Он повернулся к сановникам:

— Главы Четырех великих кланов заключить в Имперскую тюрьму Цзяюй. Родовые амбарные книги, зернохранилища и академии опечатать. Сяо Цзинхэня лишить княжеских привилегий, отменить эскорт регента, на постоялом дворе усилить караул стражи в три раза.

Ли Дэцюань тут же принял высочайшее повеление.

Цзи Ушуан продолжил:

— Девять столичных врат немедленно запереть, без указа никому не входить и не выходить.

Приказы сыпались один за другим, и в зале больше не нашлось никого, кто посмел бы вымолвить за Сяо Цзинхэня хотя бы слово.

Когда имперская гвардия провожала вдовствующую императрицу из зала, та слегка споткнулась на ходу. Нянька Цинь попыталась поддержать её, но была остановлена в полушаге.

Се Чанфэн прижал к груди засахаренные фрукты и тихо выдохнул.

Он-то думал, что сегодня наконец удастся вернуться и съесть хоть что-то горячее.

Однако перед глазами Цзи Ушуана в этот самый момент всплыли новые кровавые строки.

На сей раз буквы пылали ярче прежнего.

Предсказание смерти: если нынче Се Чанфэн останется ночевать во дворце.

В третью стражу жилы имперского города будут кем-то взорваны.